

УДК 9(571.1/.5)

Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю: соотношение методов

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются методы инкорпорации народов Сибири в административно-политическую, финансовую, социокультурную системы империи.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, инородцы, методы инкорпорации.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и иноверцев из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне ... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно приняли сторону иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с иноверческих земель, что и было сделано. Аналогичные принципы правительственного подхода к иноверческим делам можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать иноверцев в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того от начальников всех отрядов землепроходцев царские инструкции, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов.

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих иноверцев охота стала превращаться в подсобное занятие, с одной стороны. С другой – интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в состав империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского инородца не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это различиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашенных яиц с сакральным смыслом – оплодотворения земли, чтобы хорошо вырос хлеб.

Уборку урожая начинали в конце августа – первой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жат-

вы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клочок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия.

Наибольших успехов в земледелии добивались инородцы, пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями, занимаемыми русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Неслучайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде инородческих хозяйств различных губерний на продажу хлеба приходилось до 70 % всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка инородцев строила водяные мельницы, приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки. Среди инородцев появились представители крупных европейских фирм «Мак-Кормик» и «Осборн», производящих сельскохозяйственное оборудование.

Развитие земледелия и сенокосения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное распространение у инородцев, как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для со-

держания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение его было неодинаковым и колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских инородцев к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу инородцам ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, в котором жестко определялись размеры инородческой запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников). Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благодетельной мере, искренне полагая, что именно Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него особенное внимание. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского, которым народы Сибири были разделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с Уставом оседлые аборигены сравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при переводе кочевников в разряд оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и возведению их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги аграрной политики империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал инородческий вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у инородцев с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их 15-десятинным наделом. Земля отводилась не в собст-

венность, а в пользование инородческих обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория бродячих инородцев также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные инородцы по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896–1901 гг., в 1905–1917 гг. в форме указов Сената было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и переводу их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов.

Поначалу к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этого являлись широкие протесты коренного населения и наличие свободного фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и инородческого крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г., в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения, сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные инородческие землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на инородческих землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А. В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по обращению земельных излишков «инородцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55 % земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 дес., или 47 % дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области – 2 061 000 дес., или 30 %; у хакасов Енисейской губернии – 670 000 (33 %); у

аборигенов Томской губернии – 59 000 дес. (34 %); в Горном Алтае – 121 622 дес. (25 %); в Тобольской губернии – 27 407 дес. (2 %), а всего по Сибири – 3 884 188 дес. (29 %). Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда.

Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизируемых районах страны – Башкирии, Казахстане, Туркестане и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная ущербность инородцев в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали выработки новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея слияния аборигенного населения Сибири с коренным, русским, населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенное, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали инородческие поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия зажиточные инородцы стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от обстановки русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани – вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевые платья, покрой которых заимствовали у русских.

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное обрусение инородцев на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

Список литературы

1. Дамешек Л. М. Агинский и Усть-Ордынский бурятские округа как составная часть истории этнической Бурятии // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2013. – № 2(10). – С. 36–40.
2. Дамешек Л. М. Присоединение юго-восточной Сибири к России как политический процесс. Зарождение российского патернализма. Ч. 1 // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – Вып. 2 (9). – С. 127–131.
3. Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2007.
4. Дамешек Л. М. Сибирь в империи: империя в Сибири. Этнический фактор в окраинной политике Российской империи // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2012. – № 4 (8). – С. 124–130.
5. Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Герману, 2014. – 441 с.
6. Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII–XX веках / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 302 с.
7. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XXI вв. – Иркутск : Востсибкнига, 2012. – 798 с.
8. Сибирь в составе Российской империи. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 362 с.

Siberian Variant of Incorporation of Aborigines into the Empire: Correlation of Methods

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the methods of incorporation of Siberian peoples into administrative, political, financial, social and cultural Imperial system.

Keywords: Russia, Empire, Siberia, nonRussians, methods of incorporation.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664082, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head,
Department of History of Russia
of Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664082
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*